

РУССКИЙ ЯЗЫК

ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ У РУССКО-ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА МОКШЕНИНОВА

ОРЕНБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ГИМНАЗИЯ ИМ. СВ. ПРАВ. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО
(г. ОРЕНБУРГ, РОССИЯ)

OLGA-MIKHAILOVNA0308@YANDEX.RU

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена уровневой специфике репрезентации знаний русско-церковнославянской языковой личности. Анализируется понятие репрезентации и возможность его применения к русской языковой личности, осваивающей церковнославянский язык. В работе понятие репрезентации осознается как знак: оно «презентует» сознанию человека нечто, находящееся вне его сознания. Лексикон человека оформлен по сетевому принципу, и это позволяет отождествить его с вербально-семантической сетью. Языковая личность с ее индивидуальным тезаурусом рассматривается с точки зрения наличия языковой способности к репрезентации знаний, а характер ее коммуникативной/дискурсивной деятельности обусловлен постоянной связью с традицией. Цель статьи — представить уровневую специфику репрезентации знаний у русско-церковнославянской языковой личности. За основу при этом взята уровневая структура языковой личности Ю. Н. Караулова, примененная для русской языковой личности, осваивающей церковнославянский язык. Работа может быть полезна всем интересующимся вопросами, как с позиции новой парадигмы знаний (когнитивно-репрезентативной и коммуникативно-дискурсивной) осуществляется репрезентация знаний русско-церковнославянской языковой личности и какова специфика репрезентации знаний на каждом уровне. Анализ единиц вербально-семантического уровня отражает единицы уровня, отношения между ними и стереотипы, представленные фрагментарно.

О. М. Мокшенинова. Вербально-семантический уровень репрезентации знаний
O. M. Moksheninova. The verbal-semantic level of knowledge representation

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковнославянский язык, когнитивно-репрезентативная и коммуникативная функции языка, языковая способность, репрезентация знаний, вербально-семантический уровень, вербально-семантическая сеть, лингво-когнитивный уровень, мотивационный уровень, русско-церковнославянская языковая личность.

RUSSIAN LANGUAGE

THE VERBAL-SEMANTIC LEVEL OF KNOWLEDGE REPRESENTATION IN THE RUSSIAN-CHURCH SLAVONIC LINGUISTIC PERSONALITY

OLGA MIKHAILOVNA MOKSHENINOVA

ORENBURG ORTHODOX GYMNASIUM NAMED AFTER ST. RIGHTEOUS JOHN OF KRONSTADT
(ORENBURG, RUSSIA)

OLGA-MIKHAILOVNA0308@YANDEX.RU

ABSTRACT. The article is devoted to the level specifics of knowledge representation of a Russian-Church Slavonic linguistic personality. The concept of representation and the possibility of its application to a Russian linguistic personality mastering the Church Slavonic language are analyzed. In the work, the concept of representation is understood as a sign: it “presents” something to human consciousness that is outside of his consciousness. The human lexicon is designed according to the network principle, and this allows us to identify it with the verbal-semantic network. The linguistic personality with its individual thesaurus is considered from the point of view of the presence of linguistic ability to represent knowledge, and the nature of its communicative/discursive activity is determined by a constant connection with tradition. The purpose of the article is to present the level specificity of knowledge representation in the Russian-Church Slavonic linguistic personality. The level structure of the linguistic personality of Yu. N. Karaulov, applied to the Russian linguistic personality mastering the Church Slavonic language, is taken as a basis. The work may be useful to all those interested in the issues of how

the representation of knowledge of the Russian-Church Slavonic linguistic personality is carried out from the position of the new paradigm of knowledge (cognitive-representative and communicative-discursive) and what are the specifics of knowledge representation at each level. The analysis of units of the verbal-semantic level reflects the units of the level, the relationships between them and the stereotypes presented fragmentarily.

KEYWORDS: Church Slavonic language, cognitive-representative and communicative functions of language, language ability, knowledge representation, verbal-semantic level, verbal-semantic network, linguo-cognitive level, motivational level, Russian-Church Slavonic linguistic personality.

Введение

Когнитивной лингвистике принадлежат исследования, согласовавшие структуры знания и разные способы их репрезентации в голове человека; подобные ментальные репрезентации относят к первому этапу когнитивных исследований [Кубрякова 2004: 44]. Новая парадигма знаний демонстрирует исследование разума человека принципиально на другом основании: она исследует уникальную способность Homo sapiens использовать язык в разных целях коммуникации и в дискурсе, где коммуникативная функция языка представляет для исследователей другой интерес — она рассматривается согласно когнитивным намерениям и когнитивным стратегиям говорящих [Лазарев 1999: 30]. Существенным отличием нового взгляда на коммуникативную функцию языка является фокусирование внимания не на анализе речевых актов и употреблении языка с позиции прагматического использования в речи, а с позиции генерирования текста и дискурса, что позволяет поднять до ведущих две функции языка — когнитивно-репрезентативную и коммуникативную.

Основное положение когнитивно-дискурсивной парадигмы заключается в адекватном познании языка и его явлений, оно обнаруживается в области пересечения двух множеств — когниции и коммуникации. Когниция определяется как процесс познания мира (научного или обыденного) [Лазарев 1999: 34], дискурс и коммуникация также связаны с познавательными процессами, но другими — реагирующими на передачу результатов познавательного процесса или же рассуждения о его сути и факторах, задействованных в нем. Связь двух обозначенных процессов со знаниями людей, обобщением их опыта, объективацией мира есть свидетельство когнитивной и дискурсивной деятельности,

синхронно представляющей описание мира в виде заверщенного и зафиксированного текста.

Исследователи в области генеративной грамматики стали пионерами изучения репрезентации языка в голове человека и ментальных структур его языковой способности [Кубрякова 2004: 48]. Язык рассматривается здесь как составляющая мозга: первое описание репрезентаций языка в мозге, структур сознания, которыми человек оперирует в своей речевой деятельности, принадлежит Н. Хомскому [Кубрякова 2004: 49]. По мнению Е. С. Кубряковой, выбор модели языковых знаний не обязательно должен падать на модель универсальной грамматики Н. Хомского, которая своим сложным аппаратом формальных принципов вполне соответствует идеям Ю. Н. Караулова [Кубрякова 2004: 49].

В лингвистике понятие любой репрезентации рассматривается как знак в том смысле, что она «презентует» сознанию человека нечто, находящееся вне его сознания, расценивающееся принципиально иной сущностью (здесь: образами и образоподобными сущностями, то есть картинками, изображениями, схемами и др.). Репрезентация определяется как замещение того, что являет нечто, находящееся вне сознания; это нечто существует в реальном мире, а значит, считается знаком того, что она (репрезентация) замещает и в этом качестве участвует в мыслительных процессах [Кубрякова 2004: 49].

Вследствие того, что область объединения грамматики и лексики включает в себя оба названных раздела языкознания, лексикон демонстрирует оформленность по сетевому принципу, представляя вербально-семантическую сеть, в которую включена и в значительной мере лексикализована грамматика [Караулов, Чулкина 2008: 14].

Следовательно, языковая личность с ее индивидуальной вербально-семантической сетью обладает языковыми способностями к репрезентации знаний посредством мыслительных паттернов, концептов и ценностных предпочтений, характер ее коммуникативной/дискурсивной деятельности в определенной мере обуславливается постоянной связью с традицией, языковая картина мира на основе традиционных национально-культурных проявлений русского языка способствует оформлению индивидуального дискурса, русский язык как литературный является источником выбора коммуникативных/дискурсивных средств, к которым относятся тезаурус, коммуникативные намерения и стратегии.

Задача настоящей работы заключается в необходимости соотнесения уровней структуры языковой личности с репрезентацией тех знаний,

которыми личность обогащается на каждом из представленных уровней. За основу анализа взята уровневая специфика структуры языковой личности Ю. Н. Караулова [Караулов, Коробова 1993: 18–32].

Языковая личность рассматривается через совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, а также определенной целевой ориентированностью [Караулов, 2010: 19]. Данное определение содержит концептуальную идею характеристики личности с позиции созданных ею текстов.

Для дефиниции вторичной языковой личности важна мысль, что, несмотря на обусловленность применения термина «вторичная языковая личность» по отношению к любым вторым после первого языка, вполне допустимо применять его по отношению к осваивающей церковнославянский язык личности. Вторичная языковая личность с учетом специфичной русско-церковнославянской ситуации трактуется как совокупность способностей и характеристик человека, оправдывающих создание и восприятие им продуктов речевого творчества на русском с вкраплениями церковнославянского языка и на церковнославянском языке при условии сбалансированного двуязычия.

В этой работе уровневая структура языковой личности сопоставлена с аналогичной уровневой структурой репрезентации знаний языковой личности. Уровневая структура языковой личности представлена тремя уровнями: вербально-семантическим, лингво-когнитивным и мотивационным.

Номинация вербально-семантического языкового уровня как лексико-грамматического обнаруживает зависимость его проявления от динамики вербально-семантической сети. Представление о лингво-когнитивном уровне как гипотетико-прогностических шагах в тезаурусе связано с репрезентацией системных знаний или картины мира личности. Мотивационный уровень отвечает за цели, которыми руководствуется личность, и за то, какие эталоны жизненных ценностей для нее являются приоритетными [Караулов, Чулкина 2008: 17].

Освоение церковнославянского языка как богослужебного и органично включенного во многие прецедентные тексты русского языка рождает особую специфику в репрезентации опытных знаний. С одной стороны, их активно приобретает отдельный индивид, а с другой, этот опыт становится частью общекультурного национального достояния и, как следствие, оказывает влияние на язык, звучащую в обществе речь, обогащает ее культурными понятиями и смыслами.

Ниже представлена уровневая специфика репрезентации знаний у языковой личности, одновременно осваивающей русский и церковнославянский языки как генетически родственные. Основанием для работы стало теоретическое обоснование структуры уровней языковой личности Ю. Н. Караулова. Опираясь на положения уровневой спецификации, можно предложить к рассмотрению адаптированную для русско-церковнославянской языковой личности репрезентацию знаний. Как уже было отмечено выше, вербально-семантический уровень включает в себя единицы, отношения между ними и стереотипы. Так как основной единицей этого уровня является слово (term), идентификация слов является начальным этапом единого освоения русской и церковнославянской лексики.

Репрезентация знаний у русско-церковнославянской личности как языкового знака может быть представлена в виде области объединения и пересечения двух множеств — русского и церковнославянского языков. Задачей работы стало обнаружение общих элементов, входящих в область объединения, и элементов, которые находятся в области пересечения генетически родственных языков, а также выявление способов репрезентации знаний русско-церковнославянской языковой личности выявленных единиц уровня.

Церковнославянская единица	Русская единица
Здрѣвіє	Здоровье
Хрѣмъ	Хоромы
Дрѣво	Дерево
Черезъ	Через
Гласъ	Голос
Благо	Бологое
Млеко	Молоко
Хладъ	Холод

Единицы уровня условно разделены на две группы: в первую (область объединения русского и церковнославянского языков) входят единицы уровня — слова, которые считаются общеславянскими. Известно, что они составляют 70% всего словарного фонда русского языка [Миронова 2009: 29]. Их объективация с позиции их репрезентации

русско-церковнославянской языковой личности определяет направление работы.

Область объединения русского и церковнославянского языков включает единицы — слова, известные всему славянскому сообществу, которые также можно разделить на группы: первая содержит простые (непроизводные) слова, относящиеся к нарицательным именам существительным: отец, мать, дом, сын, камень, муж, разум, Господь, вера, дело, закон, вода, день, лист, прах, солнце, жертва, брат, грех и др.; вторая включает имена собственные; третья состоит из парных соответствий слов русского и церковнославянского вариантов: ворог — враг, дерево — древо, молоко — млеко, мороз — мраз, морок — мрак, голова — глава и др. Репрезентация знания единиц этого уровня от русско-церковнославянской языковой личности требует идентифицировать слова согласно их происхождению — исконно русскому или исконно церковнославянскому [Миронова 2009: 20].

Критерием для выделения церковнославянизмов из всего состава русского литературного языка является метод фонетического сопоставления морфем [Виноградов 1977: 52], опирающийся на сравнительную грамматику славянских языков. Как замечает В. В. Виноградов, метод сопоставления корневых морфем и словообразовательных аффиксов актуален лишь при разрешении вопроса о церковно-книжном происхождении некоторых морфем, определении церковно-книжных элементов, подвергшихся иному осмыслению и вступлению в разнообразные связи при возникновении новых морфем, будучи уже включенными в состав литературной речи [Виноградов 1977: 53]. Сопоставление повторяющихся неразложимых далее путем такого же сопоставления частей слов определяется как морфы. В словах выделяются главные морфы, наделенные конкретными значениями, — это корни [Степанов 2011: 12].

В языковедении термин «корень» определяется прежде всего с позиции семантики, поэтому он и является носителем вещественного, лексического значения слова. Процессы морфологической деривации на корень не влияют: он неизменен и выражает идею тождества слова самому себе, способность коррелировать с понятием лексемы; простая, или непроизводная, основа слова, остающаяся после устранения всех словообразовательных и/или словоизменительных элементов; корень отражает возможность варьирования как в семантическом, так и в формальном отношении, а также составляет обычно неизменяемую часть серии словоформ и производных, входит в обширные ряды, образуя нередко вершину морфологической парадигмы и/или словообразовательного гнезда [Матвеева 2010: 42].

По мысли В. В. Виноградова [Виноградов 1977: 56], факт наблюдения за развитием отдельной корневой церковнославянской морфемы в пределах русского литературного языка требует особого внимания: репрезентация знаний о морфеме обусловлена сравнительно-историческим путем и не должна ориентировать исключительно на церковнославянский характер разных типов ее сращений с другими морфемами, а лишь давать описание возможных формальных сочетаний.

Вербально-семантический уровень структурной модели русско-церковнославянской языковой личности рассматривает слово как единицу номинации, задача которой не просто назвать, а прежде всего вступить в реальные связи и отношения. Именно об отношениях, возникающих между единицами уровня, свидетельствуют слова, основу которых составляют морфы, содержащие позиционные варианты фонем (представителей фонем, или аллофонов) [Степанов 2011: 14]. Это языковое явление позволяет репрезентировать знания русско-церковнославянской языковой личности из области пересечения русского и церковнославянского языков с включенными в нее маркированными церковнославянизмами и маркированными русизмами [Маршева 2018: 78].

Маркированные церковнославянизмы представляют собой слова русского языка, заимствованные из церковнославянского [Маршева 2018: 79].

Сопоставляя номинативные единицы из области пересечения русского и церковнославянского языков, русско-церковнославянская личность оценивает их с точки зрения связи и корреляции: так, маркированным церковнославянизмам с неполногласием форм -ра-, -ре-, -ла-, -ле- между согласными в корневой морфеме или приставке объективируются маркированные русизмы — русские соответствия с полногласными сочетаниями -оро-, -ере-, -оло-, -еле- в тех же морфемах.

Русско-церковнославянская личность репрезентует знание отличия маркированных церковнославянизмов от маркированных русизмов в корневой морфеме как результат своей познавательной деятельности: нрав — норав, глад — голод, град — город, глас — голос, вран — ворон, шлем — шелом, враг — ворог, храбрый — хоробрый, страна — сторона. И посредством составленных предложений аргументирует существование в русском языке двух слов одновременно (я прочитал короткий рассказ А. П. Чехова / мы внимательно выслушали его краткий рассказ). Приведенные русско-церковнославянской языковой личностью примеры демонстрируют приятие единиц уровня в индивидуальный словарь.

Церковнославянская единица	Русская единица
Рѣвный	Ровный
Лодѣ	Лодка

Отличие маркированных церковнославянизмов с жд в корне от маркированных русизмов с ж осуществляется при помощи отношений, которые наблюдает русско-церковнославянская личность, обращаясь к тезаурусу и генерализованным высказываниям: «НЕВЕЖДА, невежды, м. (неодобрит.). Несведущий, малообразованный человек, но обычно с претензией на знание, неуч. Невежда... в ослепление бранит науки и ученье и все ученые труды, не чувствуя, что он вкушает их плоды. Крылов. Невежда он был круглый. Тургенев. Неосведомленный в какой-н. области знаний. Невежда в физике, а в музыке знаток. Крылов. НЕВЕЖА, невежи, м. и ж. 1. Грубый, неучтивый человек. Невежа тот, кто позволяет себе грубость. Л. Толстой. Невежа! Я с тобой и говорить-то не хочу. А. Островский. 2. То же, что невежда (разг. устар.). Невежи судят точно так: в чем толку не поймут, то все у них пустяк. Крылов» [Ушаков 1938: 481].

Церковнославянская единица	Русская единица
Невѣжда	Невежа
Вожда	Вожак

У русско-церковнославянской личности есть возможность репрезентировать знание отличий маркированных церковнославянизмов с щ в корне от маркированных русизмов с ч при обращении к генерализованным высказываниям: Я любил этот дом деревянный. В бревнах теплилась грозная мощь / Наша печь как-то дико и странно Завывала в дождливую ночь... (С. Есенин); Зашѣдш ѿмощь, бывѣтъ ночь.

Церковнославянская единица	Русская единица
Мощь	Мочь
Свѣцѣ	Свеча

Следующую группу единиц вербально-семантического уровня структуры русско-церковнославянской личности представляют слова, репрезентация знаний которых связана с особой ролью гласной фонемы

в корневой морфеме: в церковнославянском языке корневой ударной гласной э после мягкого согласного под ударением соответствует корневая о в русском языке [Маршева 2018: 60]. Однако здесь нужно принять во внимание тезис В. В. Виноградова: морфемы, сохранившие ударную э перед твердыми согласными, актуализируют возможность слова принадлежать русской церковной традиции, и подобного рода «заимствования» решаются лексикологическим изучением, а не его фонетическим выражением [Виноградов 1977: 54].

Проблема представления или репрезентации знания русско-церковнославянской личностью решается в процессе познавательного акта, когда единицы уровня наблюдаются в пределах грамматико-прагматических и семантико-синтаксических отношений. Вербально-семантический уровень структуры языковой личности имеет определенные преимущества: здесь даны простые, понятные единицы, известные всем из культуры повседневности, эти единицы если и относятся к абстрактным номинациям, не слишком детально представленным в мире, легче идентифицируются, так как интуитивно понятно поле отношений, в которые они вступают.

Стереотипами уровня являются словосочетания и предложения, это обуславливает наблюдения в пределах объединения множеств «русский язык» и «церковнославянский язык»: обе единицы являются частью русского языка, и лишь сведения об истории каждой единицы и функционально-контекстное распределение свидетельствуют о закреплении в сознании языковой способности репрезентировать знания указанных особенностей.

Наблюдение за тем, как устанавливаются отношения между единицами, проведено в пределах синтаксиса: почаще смотрите на небо — лиши ѿзвныи ѿмощь, и птицы невѣсныи гнѣзда — небо как горизонтальная перегородка; тёплый хлеб — тёплый ликъ.

Церковнославянская единица	Русская единица
Нѣбо	Нёбо
Тѣплый	Тёплый

Определение границ между корневыми морфемами с начальным церковнославянским звуком а и соотносящимися русскими ѿа [Маршева 2018: 61] репрезентирует знание у русско-церковнославянской личности о мире, в котором языковые единицы по-разному оформляются в пределах единиц мысли: их отношения между церковнославянскими

единицами чаще определены контекстным употреблением: ѿзъ ѿмь пѣть ѿ ѿстина. Русские единицы выражают определенную свободу в пределах словосочетания или предложения (например, ягненок играет на лугу).

Церковнославянская единица	Русская единица
ѿзъ	Я
ѿгнецъ	Ягненок

Репрезентация знаний у русско-церковнославянской личности морфем с церковнославянским начальным звуком э и соотносящимся ему русским о в корне слова наблюдается в пределах словосочетаний и предложений: ѿдинъ гдѣ — один человек.

Церковнославянская единица	Русская единица
ѿдинъ	Один

Средствами номинативных единиц из русского и церковнославянского языков русско-церковнославянская личность репрезентирует знания морфем с церковнославянскими начальными звуками йу и соотношение их с русским у в подобной корневой морфеме [Алипий 1991: 24; Маршева 2018: 79].

Церковнославянская единица	Русская единица
Юродный	Урод

Есть еще и случаи репрезентации знаний у русско-церковнославянской личности морфем с церковнославянскими начальными звуками ѿа в соотношении их с русскими ѿа [Алипий 1991: 24; Маршева 2018: 80] в единицах урвня.

Церковнославянская единица	Русская единица
ѿати	Есть

Подобно тому как в русском языке вышеназванные пары свидетельствуют о периоде, когда народно-поэтическая речь развивалась под влиянием книжно-литературной (движет — двигает, каплет — капает,

плещет — плескает) [Степанов 2011: 40], индивидуальная языковая картина мира, индивидуальный словарь русско-церковнославянской языковой личности складывается под влиянием языка, в котором зафиксированы отношения между словами: первое слово пары соотносится с книжно-литературным языком, второе — с народным языком. По мнению Ю. С. Степанова, все пары тяготеют не к тождеству, а к сложной синонимии значений [Степанов 2011: 23]. Специфика репрезентации знаний русско-церковнославянской личности обуславливает запись слова во внутренний лексикон [Кубрякова 2004: 68], который тождествен индивидуальной вербально-семантической сети.

В область пересечения двух языков входит и такое языковое явление, как внутренняя флексия, или аблаут: номинация аблаута (иногда апофонии) связана со случаями, когда одно общее вещественное значение корня ряда слов или форм слова разводит их дополнительные вещественные или грамматические значения, выражающиеся чередованием гласных [Степанов 2011: 27]. Так, проявление одного из отклонений морфемы от категориальных свойств репрезентируется не одной и той же последовательностью звуков, а частично различающимися (алломорфия) вариантами морфем. Чередование двух гласных из области пересечения языков: е — о (вѣлѣ — вѣлѣ, вѣзѣ — вѣзѣ), о — а (творѣти — творѣ), е — а (лѣзѣ — лѣзѣти), (ѣ) — и (жѣлѣ — жѣлѣти), о — у (глѣхѣти — глѣхѣ, крѣхѣ — крѣхѣти), у — ы (ѿрѣти — на-выкѣти); а также чередование трех и более гласных: е — о — а (вѣлѣ — вѣлѣти — вѣлѣти), (ѣ) — о — ы (зѣлѣти — зѣлѣти — призѣлѣти), о — (ѣ) — ы — у (возлѣхѣти — дѣхѣти, дышѣти — дѣхѣ); е — (ѣ) — и — о (рѣкѣ — рѣкѣ — на-рѣкѣти — прорѣкѣ — рѣкѣ); (ѣ) — е — и — о (брѣти — брѣти — обрѣти — обрѣти).

По словам Е. С. Кубряковой, репрезентативную функцию языка можно рассматривать как опережающую другие функции языка, однако вполне возможно, что объединение репрезентативной и коммуникативной функций способствует использованию в словосочетаниях и предложениях аблаута в пределах употребления генетически родственных единиц. В качестве языковой вариативности следует понимать факт наличия для отдельных или многих языковых единиц функционально эквивалентных им единиц, которые присутствуют на разных уровнях [Степанов 2011: 27]. Привилегии вербально-семантического уровня как начального помогают осознавать множества понятий как очевидные, простые для понимания.

Множество церковнославянского языка коррелирует с подмножеством внутренней флексии, результатом этой корреляции становится

возможность репрезентации знания у русско-церковнославянской языковой личности языковой картины мира, в которой названные множества и подмножества органично коррелируют с множеством русского языка и его подмножествами. Некоторые корреляции стали явными в XVIII веке, когда в церковнославянском языке было зафиксировано одно звуковое изменение (оно и сблизило его со светским литературным языком), связанное с утратой разницы произношения между ѣ и е [Трубецкой 1990: 125]. В XXI веке смешение традиционного взгляда на произношение наряду с аканьем современной произносительной нормы русского литературного существенно отличает настоящий период от того времени, когда аканье наблюдалось реже: правило требует читать слова так, как они написаны [Алипий 1991: 33; Маршева 2018: 62]. Оно распространяется и на ударение, часто не совпадающее с русской орфоэпической нормой: *Вѣзметъ крѣтъ ѡбѡ* (Мк. 8:34); *Гдѣ, вѡлею твоѡю подѡждѣ добротѣ мой гдѣ* (Пс. 28:8); *За словеса ѡртѣнъ твоихъ ѡзъ сохранихъ пѣти жѣтѡки* (Пс. 16:4); *Нѣже вѡ ѡце хѡщетъ дѡшѣ ѡвоѡ сплѣти, погубитъ ю* (Мк. 8:35); *Нѣвѡлѣа вѡ стѡмѡ дѡхѣ нѣ нѡмѡ, ничѡже мнѡжеа вѡзложити вѡмѡ таготѣ, рѡзвѣ нѣждныхъ сѣхъ* (Деян. 15:28).

Множество орфографических вариантов включает фрагменты и репрезентирует системные языковые знания именно в контексте исторического времени. Орфографические варианты определены как видоизменения слов, отличия их друг от друга обнаруживаются в каком-нибудь отношении, но с сохранением одинакового состава морфем [Розенталь, Теленкова 1985: 122]. По определению О. С. Ахмановой, орфографическая вариантность представляет феномен, соотносимый с модификацией орфографического облика слова, не нарушающей тождества последнего [Ахманова 2019: 92].

На вербально-семантическом уровне репрезентируются языковые явления, устанавливающие отношения как внутри русских единиц, так и внутри церковнославянских; они связаны со знаком сокращения — титулом, который регламентирует его употребление или неупотребление: *бѣгъ* — *бѣгѣ*, *ѡцѣ* — *ѡтѣцѣ*, *бѣженъ* — *бѣженѣ*, *крѣтъ* — *крѣтѣ*. Грамматико-прагматические и семантико-синтаксические отношения между единицами рассматриваются на примере фрагментов из текстов, обозначенных для данного уровня как стереотипные (паттерны) словосочетания и предложения.

Так как связь между церковнославянскими словами, словосочетаниями и предложениями отражает контекстную связанность, в качестве примера нужно привести предложения из прецедентных текстов: *Иѡкѡ ѡтѣцѣ мой нѣ мѣти моѡ ѡстѡвѣста мѡ, гдѣ же вѡспрѣѡтъ мѡ*

(Пс. 26:10); *Воздѡвѣи мѣ слѡвѡ вѡзѣ бѡлѣа ѡбѡлѣхѣ мѡ, занѣ гонѣхѣ бѣготѣи* (Пс. 37:21); *Бѣговѡли, гдѣ, нѣбѣвѣти мѡ: гдѣ, вѡ ѣже пѡмѡщѣи мѣ вѡмѣи* (Пс. 39:14); *Вѣа кѣ тѣбѣ чѡютъ, дѣти пѣцѣ нѣмѡ вѡ бѡлѣо вѣрѣмѡ* (Пс. 103:26); *Живѡтворящемѣ твоёмѣ крѣтѣ, непрѣстѡннѡ клѡнящемѣ хрѣтѣ бѣже* (Канон Честному Животворящему Кресту); *Вѡзметъ крѣтъ ѡбѡ* (Мк. 8:34).

Представленный к рассмотрению вербально-семантический уровень репрезентации знаний русско-церковнославянской личности свидетельствует о многослойности языковой картины мира, представляющей разные языковые явления, главным образом единицы уровня слова, в настоящей работе они показаны двумя множествами — «русский язык» и «церковнославянский язык» — и подмножествами, отражающими грамматико-прагматические и семантико-синтаксические отношения, которые в случае с церковнославянским языком репрезентируются зафиксированными фрагментами из письменных источников — стереотипами в виде словосочетаний и предложений. А русский язык предлагает широкие возможности для построения этих отношений.

Слова как единицы номинации должны стать простыми для понимания и представлять скрепу разных структур сознания, преобразуясь в индивидуальную вербально-семантическую сеть русско-церковнославянской языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

- Алипий (Гаманович), иером. Грамматика церковнославянского языка. М.: Художественная литература, 1991.
- Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Либроком, 2019.
- Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
- Канонник (на церковнославянском языке). М.: Изд-во МП РПЦ, 2012.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
- Караулов Ю. Н., Коробова М. М. Индивидуальный ассоциативный словарь // Вопросы языкознания. 1993. № 5. С. 18–32.
- Караулов Ю. Н., Чулкина Н. Л. Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций. М.: РУДН, 2008.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Лазарев В. В. К теории обыденного/когнитивного познания // Вестник Пятигорского ун-та. 1999. № 2. С. 25–34.
- Маршева Л. И. Церковнославянский язык. Начальные сведения. Теоретический очерк. Упражнения. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2018.

- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010.
- Миронова Т. Л. Церковнославянский язык. М.: Изд. совет РПЦ, 2009.
- Псалтирь на церковнославянском языке. М.: Терирем, 2018.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985.
- Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на церковнославянском языке. Минск: Свято-Елисаветинский женский монастырь, 2015.
- Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М.: Либроком, 2011.
- Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 123–135.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русские словари, 1938.

REFERENCES

- Alipy (Gamanovich), hieromonk. Grammatika tserkovnoslavyanskogo yazyka [Grammar of Church Slavonic]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. (In Russ.)
- Akhmanova O. S. Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii [Essays on general and Russian lexicology]. Moscow, Librokom Publ., 2019. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977. (In Russ.)
- Canon (in Church Slavonic). Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2012. (In Russ.)
- Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. (In Russ.)
- Karaulov Yu. N., Korobova M. M. Individual'nyi assotsiativnyi slovar' [Individual associative dictionary]. Voprosy yazykoznaniya, 1993, no. 5, p. 18–32. (In Russ.)
- Karaulov Yu. N., Chulkina N. L. Russkaya yazykovaya lichnost': integrativnyi aspekt v usloviyakh mezhkul'turnykh kommunikatsii [Russian linguistic personality: integrative aspect in intercultural communications]. Moscow, RUDN Publ., 2008. (In Russ.)
- Kubryakova E. S. Yazyk i znanie [Language and knowledge]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
- Lazarev V.V. K teorii obyden'nogo/kognitivnogo poznaniya [On the theory of everyday/cognitive cognition]. Vestnik Pyatigorskogo universiteta, 1999, no. 2, p. 25–34. (In Russ.)
- Marsheva L. I. Tserkovnoslavyanskii yazyk. Nachal'nye svedeniya. Teoreticheskii ocherk. Uprazhneniya [Church Slavonic language. Basic information. Theoretical essay. Exercises]. Moscow, Sretensky Monastery Publ., 2018. (In Russ.)

- Matveeva T. V. Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2010. (In Russ.)
- Mironova T. L. Tserkovnoslavyanskii yazyk [Church Slavonic language]. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church Publ., 2009. (In Russ.)
- Psaltir' na tserkovnoslavyanskom yazyke [Psalter in Church Slavonic]. Moscow, Terirem Publ., 2018. (In Church Slav.)
- Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary-reference book of linguistic terms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. (In Russ.)
- Svyatoe Evangelie Gospoda nashego Iisusa Khrista na tserkovnoslavyanskom yazyke [The Holy Gospel of our Lord Jesus Christ in Church Slavonic]. Minsk, St. Elisabeth Convent Publ., 2015. (In Church Slav.)
- Stepanov Yu. S. Osnovy obshchego yazykoznaniya [Fundamentals of general linguistics]. Moscow, Librokom Publ., 2011. (In Russ.)
- Trubetskoi N. S. Obshcheslavyanskii element v russkoi kul'ture [The common Slavic element in Russian culture]. Voprosy yazykoznaniya, 1990, no. 2, p. 123–135. (In Russ.)
- Ushakov D. N. Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 volumes. Vol. 2. Moscow: Russian Dictionaries, 1938.